Нигилистическое мышление как своеволие разума и проекты его преодоления

И.Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет, Минск, Белоруссия

Аннотация

В статье анализируются концепции онтологического нигилизма С. Кьеркегора, Ф. Ницше, М. Хайдеггера, Э. Юнгера. На основании этого анализа насилие определяется как проявление нигилизма, «воли к ничто» и гипертрофии своеволия человека. В статье обосновывается актуальность проблемы нигилизма. Выражением нигилистического мышления современного человека продолжает оставаться установка на радикальное преобразование мира с позиции своей «абсолютной» правоты. Парадокс современной ситуации заключается в том, что оборотной стороной этой преобразующей деятельности является лишь видимость действия и нивелирование ответственности. Уверенность в правоте своих воззрений и верований повышает риск насильственного навязывания собственного видения действительности. Историко-философская реконструкция концепций нигилизма позволила выявить следующие проекты его осмысления и разрешения: 1) проект «полагания ценностей», заключающийся в трансформации оценивания как иной перспективы полагания ценностей, приводящей к утверждению бытия; 2) проект преодоления нигилизма из пространства временности, осуществляющийся через решимость принять историчность собственного существования; 3) проект преодоления нигилизма как забвения бытия из пространственной перспективы «линии», позволяющий осуществить «просвет» бытия. В статье делается вывод о том, что разрешение проблемы насилия и различных форм его проявления невозможно без преодоления «онтологического нигилизма». Значимая роль в разрешении проблемы насилия отведена философии как критическому и действенному ответственному мышлению, способному помочь человеку вынести тяжесть мира, придать ему смысл и утвердить бытие, а также объединить людей и противостоять фундаменталистским притязаниям на избранность и правоту.

Ключевые слова: нигилизм, насилие, онтология, бытие, время, воля к ничто, дух мести, разум.

Сидоренко Ирина Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета.

Для цитирования: Сидоренко И.Н. Нигилистическое мышление как своеволие разума и проекты его преодоления // *Философские науки*, 2020. Т. 63. № 10. С. 74–87. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-10-74-87

Nihilistic Thinking as the Self-Will of the Mind and the Projects of Its Overcoming

I.N. Sidorenko

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Abstract

The author analyzes the conceptions of ontological nihilism in the works of S. Kierkegaard, F. Nietzsche, M. Heidegger, E. Jünger. On the basis of this analysis, violence is defined as a manifestation of nihilism, of the “will to nothingness” and hypertrophy of the self-will of man. The article demonstrates the importance of the problem of nihilism. The nihilistic thinking of modern man is expressed in the attitude toward a radical transformation of the world from the position of his “absolute” righteousness. The paradox of the current situation is that there is the reverse side of this transformative activity, when there is only the appearance of action and the dilution of responsibility. Confidence in the rightness of own views and beliefs increases the risk of the violent imposition of own vision of reality. Historical and philosophical reconstruction of the conceptions of nihilism allowed to reveal the following projects of its comprehension and resolution: (1) the project of “positing of values,” which consists in the transformation of the evaluation, which is understood as another perspective of positing values, leading to the affirmation of being; (2) the project of overcoming nihilism from the space of temporality, carried out through the resoluteness to accept the historicity of own existence; (3) the project of overcoming nihilism as the oblivion of being from the spatial perspective of the “line,” allowing to realize the “glimpse” of being. The author concludes that it is impossible to solve the problem of violence and its various forms of its manifestation without overcoming “ontological nihilism.” Significant role in solving the problem of ontological violence is assigned to philosophy as a critical and responsible form of thinking, which is capable to help a person to bear the burden of the world, to provide meanings and affirm being, as well as to unite people and resist the fundamentalist claims of exclusivity and rightness.

Keywords: nihilism, violence, ontology, being, time, will to nothingness, the spirit of revenge, mind.

Irina N. Sidorenko – D.Sc. in Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Belarusian State University.

iri_na2000@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7792-0102>

For citation: Sidorenko I.N. (2020) Nihilistic Thinking as the Self-Will of the Mind and the Projects of Its Overcoming. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 10, pp. 74–87.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-10-74-87

Введение

Термин «нигилизм» был введен в оборот немецким философом Фридрихом Якоби в контексте послания к Иоганну Фихте. Необходимо уточнить, что Ф. Якоби актуализировал использование этого термина, который появился в немецкой философской литературе еще до него [Михайлов 2000, 542–543]), а получил наиболее яркое и радикальное раскрытие в творчестве другого немецкого философа – Фридриха Ницше.

Нигилизм в философии Ф. Ницше определяется как потеря смысла ценностей, оборачивающаяся невозможностью ответить на вопрос о цели. На основании идеи разрыва правомерно определить в качестве источника нигилизма раскол мира на бытие, лишенное смысла, и смысл, лишенный оснований. Таким образом, нигилизм символизирует не только обесценивание бытия, но и потерю им целостности. Так бытие оказывается во власти «духа мести». Ф. Ницше отказался от идеи о вневременной структуре ценности, акцентировав временной аспект нигилизма как забвение времени, злопамятство воли по отношению к времени. Однако человек не может существовать в лишенном смысла мире. Поэтому он либо создает искусственные ценности и смыслы как незыблемые основания некоего нового мира, либо стремится разрушить этот мир как невыносимую бессмыслицу, превращаясь тем самым в инструмент «духа мести». Преодоление «духа мести» означало для немецкого философа избавление от пассивного нигилизма как злопамятства воли по отношению к бытию и времени.

В XXI столетии доминирующей продолжает оставаться установка на радикальное преобразование действительности: мир должен быть организован сообразно истинным идеям. Уверенность в правоте своих воззрений и верований повышает риск насильственного навязывания собственного видения действи-

тельности: если не получается организовать мир так, как «надо», значит необходимо насильственно «тянуть» его в объятия своей истины. Вместе с тем сужается пространство для социального действия, подкрепленного личной ответственностью, что приводит к невозможности локализовать субъекта, т.е. определить: кто думает, кто говорит, кто действует, а значит, кто несет ответственность. В результате насилие как специфический социальный акт становится бессубъектным, и поэтому оказывается за пределами морали и нравственности. Поэтому сложившуюся ситуацию правомерно определить как бунт «полого» человека против бытия, как торжество онтологического нигилизма.

Проект «полагания ценностей» как преодоление пассивного нигилизма (Ф. Ницше, М. Хайдеггер)

Нигилистическое мышление современного человека предстает как своеволие разума. Оценивая, полагая вещи мира как «поставленные-в-наличии» для человека, разум опустошает пределы мира. Как отмечал в связи с этим Мартин Хайдеггер, полагание чего-то как ценности лишает это оцененное существование. Опустевшее место Бога в сверхчувственном мире человек стремится удержать, оно само взывает к тому, чтобы его заняли. Воздвигаются новые идеалы, и место Бога, согласно мысли Ф. Ницше, заменяется посредством новых учений, обещающих осчастливить мир. Так проявляется «неполный» или пассивный нигилизм, который заменяет старые ценности новыми, но ставит их на прежнее место. Следовательно, ницшеанский проект «переоценки» превращается в иллюзию: «место» для утверждения новых ценностей – сверхчувственное – не исчезает, а значит, не происходит «переворачивание самих способов оценивания» [Ницше 1997, 172]. После «смерти Бога» на его место претендует всеобщность, создающая новую ценность: идеал стандартизированного и управляемого человека. «И поскольку разум, по мысли Ницше, адресован благоразумию, адресован среднему, адресован банальности, то он и есть орудие этого воспитания и управления» [Мамардашвили 2012, 107]. Альбер Камю, анализируя идеи Ф. Ницше, предложил следующее определение пассивного нигилизма – «невозможность веры и потери ее изначального основания, то есть доверия к жизни» [Камю 1998, 220], «...не отсутствие веры вообще, а неверие в то, что есть» [Камю 1998, 225]. Такое «бессилие веры» оборачивается мезью.

Ф. Ницше не только поставил диагноз своей эпохе и предупредил о ловушках пассивного нигилизма, он также предложил и выход из этой ситуации: активный нигилизм, свободный от «духа мести» и отвращения к бытию. Его идея о «Вечном Возвращении того же самого, или всех вещей» представляет собой новый тип мышления; это иное отношение ко времени и временному. В отрывке «О призраке и загадке» Заратустра говорит о «Мгновении» [Ницше 1997, 112–113]. Следуя мысли Ф. Ницше, мгновение правомерно определить так: соединение прошлого и будущего, отождествление мгновения и вечности, понимание будущего как вечности и возможности. «Дух мести» приводит к отвращению к земле и ко всему преходящему. Мысль о том, что все, ушедшее в прошлое, с неизбежностью вновь повторится, невыносима для человека. Она лишает его воли, так как повторяется не его, а случайно навязанное ему прошлое, которое искажает настоящее, делая его неподлинным, а значит, человек не в состоянии выбрать те возможности, которые предоставляет ему будущее. Следовательно, он должен преодолеть в себе это отвращение, «откусить змее голову», выздороветь.

Выздоровление начинается с принятия случайности своего прошлого и решимости создать/переписать его своим языком, в противном случае нигилизм как болезнь примет хронический характер: отвращение к прошлому приведет к отвращению к жизни. Это первый шаг на пути от пассивного нигилизма к его активной форме, т.к. даже преодолев отвращение, воля оказывается беспомощной перед временем, прошлым, т.е. воля не может «хотеть вспять», ее непреодолимым пределом оказывается «было». Поэтому воля по отношению ко времени проявляет себя, так же, как и «дух мести», выступая основой нигилистического отрицания жизни. С точки зрения Ф. Ницше, преодоление нигилизма возможно только через избавление от мести. Воля еще должна стать созидательницей, не отрицающей всегда чужое прошлое, а утверждающей прошлое как результат собственного творчества. Избавившись от мщения, человек способен преобразовать прошлое в свое творение, тем самым спасая его от забвения. В таком отношении к прошлому и заключался для немецкого мыслителя смысл выздоровления Заратустры: Вечное Возвращение является уже не наказанием существованием, а становлением.

Однако сохраняется проблема иллюзорности проекта «переоценки ценностей». Вернемся к ницшеанской фразе «Бог мертв»

и обратимся к ее интерпретации в философии М. Хайдеггера, с точки зрения которого эти слова означают, что «сверхчувственный мир лишился своей действенной силы» [Хайдеггер 1993, 174]. Ф. Ницше спрашивал устами своего героя-безумца: «Не падаем ли мы безостановочно... и во все стороны?» [Ницше 1997], М. Хайдеггер, продолжая мысленный диалог с Ф. Ницше, вторил ему: «Ничто ширится во все концы» [Хайдеггер 1993, 175] и продолжал: «Каково бытию? Бытию ничего... Последний же удар по Богу и по сверхчувственному миру наносится тем, что Бог, сущее из сущего, уничтожается до высшей ценности. Не в том самый жестокий удар по Богу, что его считают непознаваемым, не в том, что существование Бога оказывается недоказуемым, а в том, что Бог, принимаемый за действительно существующего, возвышается в ранг высшей ценности» [Хайдеггер 1993, 210]. Для М. Хайдеггера попытка пояснить ницшеанские слова «Бог мертв» тождественна задаче раскрыть, что понимается под нигилизмом. Смерть сверхчувственного мира – это смерть метафизики, однако теперь метафизика начинает пониматься как нигилизм, т.е. обесценивание высших ценностей и стремление установить новые. Такое воление пассивного нигилизма предстает как своеволие разума, т.к., оценивая, полагая вещи мира как «поставленные-в-наличии» для человека, разум опустошает пределы мира. Целесообразно подчеркнуть, что для Ф. Ницше «переоценка» означала исчезновение «места» для ценностей, т.е. устранение мира сверхчувственного. Это и есть активный или совершенный нигилизм, для которого, согласно мысли М. Хайдеггера, необходимо как изменение «вида и направленности полагания ценностей», так и определение их сути. Следовательно, переоценка должна стать «переворачиванием самих способов оценивания» [Хайдеггер 1993, 182].

Что же касается сущности ценности, то она есть точка зрения или «точка глаза». Полагание ценности как «точки глаза» приводит не только к ее сохранению, но и возрастанию, а значит утверждению бытия, т.к. становление и возрастание – это этапы жизни. М. Хайдеггер писал по этому поводу: «Смотрение – это всякий раз смотрение такого-то жизненного взгляда, и им пронизано всякое живое существо. Полагая точки глаза для всего живого, жизнь оказывается в своей сущности полагающей ценности» [Хайдеггер 2006а]. Сохранение и возрастание приводят к становлению «сложных образований жизни» и представляют

собой квинтэссенцию воли к власти. Так, воля к власти М. Хайдеггером понималась как исток ценностного полагания. Ценность – это «точка глаза», т.е. через ее проекцию, направление смотрения человек формирует новые ценности, самым взглядом создавая бытийственное пространство для их полагания.

В итоге преодоление пассивного нигилизма зависит от самого действия – полагания ценностей, в результате которого мир человека расширяется за счет утверждения бытия, а он сам предстает как необходимый субъект полагания ценности, т.е. как волящий и творящий.

Проект преодоления нигилизма из пространства временности (С. Кьеркегор, М. Хайдеггер)

Нигилизм порождает насилие как единственную реакцию «бездомного полого человека», волящего ничто, для которого соблазн безответственности перевешивает стремление быть свободным. Что можно было бы противопоставить все поглощающей «черной дыре» нигилистического мышления? Это возвращение человека в пространство личностного действия и ответственности. Это бытие «лицом к лицу» с ничто, понимание того, что человеку подвластно все, кроме времени, т.е. осознание себя как исторического существа. Время – это граница, через которую ему не дано переступить. Обратимся для раскрытия этой идеи к философии датского философа Сёрена Кьеркегора. Мыслителя интересовало то состояние, которое предшествовало возникновению свободы, т.е. состояние страха. Этот страх безосновен, его предметом является ничто, бездна, в которую смотрит человек, осознавший свою конечность, смертность; ничто – это то, что за границей времени, поэтому избежать его нельзя, оно впереди и всегда будет конечным пунктом существования. С. Кьеркегор отличал понятие страха-тоски (angst) как безосновного от страха-боязни (vrees), у которого предмет четко определен [Кьеркегор 1998, 144–145].

Страх-тоска выступает как экзистенциальная характеристика самого человеческого «я», это форма переживания ничто, и в этом страхе человек соприкасается с конечностью своего существования. Тем самым С. Кьеркегор показывал, что есть такая реальность, которая невидима для бесконечного существа, т.е. Бога, но видима для конечного: это и есть ничто. Согласно мысли философа, необходимо самому быть причастным ничто, но не просто соприкасаться с ним, а существовать в нем, быть

смертным, чтобы осознать его реальность. Поэтому ничто открывается только человеку и только в страхе. Осмысление феномена страха приводит человека к его истоку, к основе существования, к осознанию своего существования как конечного, исторического. Ничто (а стало быть, страх) побуждает выйти человека из состояния невинности, стать сознанием, а это и есть начало свободы. Таким образом, экзистенциализм имеет своей предпосылкой постулирование ничто как реальности, исходящей из принципа конечности. Страх ведет человека к осознанию вины, открывающей историчность существования: человек, совершивший выбор, постигает свою ответственность за прошлое, делая его своей историей [Сидоренко 2018, 38].

Несмотря на чувство вины, человек еще не «повернется» лицом к бытию, необходимо принять свое прошлое и осознать ответственность за него, т.е. совершить усилие. Об этом и говорил М. Хайдеггер, продолжая развитие темы страха и отмечая, что именно через страх осознается тотальность собственного отчуждения, символом которого и выступает ничто. Страх раскрывает исходный непредметный горизонт «мира», лежащий в основе всякого определенного, предметного внутримирного сущего, т.е. ставит человека перед Ничто. Эта укорененность в Ничто предстает как событие, составляющее основу всякого «нахождения себя среди уже сущего». Страх может возникнуть только в решившемся Dasein (присутствие, вот-бытие), так как он не угнетает, а наоборот, освобождает от «ничтожных» возможностей и позволяет высвободиться для собственных. Поэтому историчность предстает как осознание конечности через собственное бытие как бытие-к-смерти, конструирование своей миро-истории [Сидоренко 2007]. Страх ставит перед Dasein вопрос о целостности его бытия, раскрывая смерть как его собственную возможность быть самостью.

Нигилистическое мышление ведет к отчуждению, которое, следуя мысли немецкого философа, правомерно трактовать как «неподлинное» понимание бытия и «неподлинное» существование в модусе das Man, т.е. существование вне личной ответственности «полого» человека, в том смысле, что «мы его простукиваем, а там – пустота, и в эту пустоту устремляется рушащийся мир, уже не стоящий на ногах, а засасываемый в пустоту» [Мамардашвили 2012, 108]. Вместе с тем смерть – это чистая возможность, порождающая чувство вины и не позволяющая пребывать в модусе довольства,

самоуспокоения. Таким образом, страх перед Ничто и чувство вины возвращают Dasein из мира das Man в структуру заботы, а зов совести призывает к решимости обрести собственное бытие Dasein, он «несомненно идет не от кого-то другого, кто есть со мной в мире. Зов идет от меня и все же сверх меня» [Хайдеггер 1998, 275]. Так осуществляется «просвет» бытия и вместе с тем человек познается, а значит и существует уже не как «господин сущего», а как «пастырь бытия», который осознает свою ответственность.

Проект преодоления нигилизма из пространственной перспективы «линии» (Э. Юнгер, М. Хайдеггер)

Преодоление нигилизма осуществляется не только в осознании и принятии историчности существования, но и в его «пространственном осмыслении»: «через линию» (Э. Юнгер) или в пространстве самой линии (М. Хайдеггер). Нулевую точку или линию, в которых произошло торжество нигилизма, Э. Юнгер связывал с периодом 1918–1945 годов [Bousquet 2015]. С нашей точки зрения правомерно предположить, что драма ее пересечения еще не закончилась, т.е. мы все еще находимся в процессе перехода «через линию».

Э. Юнгер занял противоположную позицию по отношению к историчности: для него соприкосновение с «зоной, предстоящей ничто» и есть нигилизм как опыт перманентного умирания, но не опыт смерти. За актом соприкосновения с Ничто должно последовать мгновенное уничтожение, «как будто сверкнул Абсолют» [Юнгер 2006, 20]. В силу этого немецкий философ предпочел иную форму осмысления и преодоления нигилизма: пространственную.

В качестве феноменов, сопровождающих нигилизм, согласно его мысли, можно отметить болезненность (даже под видом здоровья), порядок пустоты и безжизненного пространства, сплав добра и зла, неразличимость права и несправия.

Что касается болезненности, то нигилизм не проявляется в хилости, декадансе, напротив, это своеобразная форма симулякра здоровья – здоровая бесчувственность и пропагандистская бодрость, сопровождающиеся физической неумностью, которая не направлена на созидание, т.к. пустота поглощает все, тяготея к состоянию статичности или нуля.

Под порядком пустоты понимается дисциплинарный мир, убивающий своим автоматизмом все живое. Основные черты

машинизированного миропорядка следующие: автоматизм; тотальная мобилизация; тотальность жертвы; вера, что все можно просчитать, а значит контролировать; формализм; низведение человека до механизма или даже его части; видимость свободы. Символом обжитого пространства выступает хаос, однако, как заметил Э. Юнгер, он «появится только тогда, когда нигилизм в одной из своих констелляций потерпит провал» [Юнгер 2006, 23]. В определенной степени хаос является отголоском нигилизма, но вместе с тем он понимается и как источник неупорядоченной плодотворности.

Нигилизм не является собственно злом. Для Э. Юнгера такая связка «нигилизм – зло» представляет собой разрешимую задачу. Проблема заключается в том, что нигилизм – это сплав добра со злом [Юнгер 2006, 32]. Исходя из рассуждений Э. Юнгера, правомерно предположить, что причинами такого сплава являются безжалостность, атрофия чувства боли (недаром философ отмечал ценность новой валюты нашего времени: капитала боли, девальвирующегося по мере возрастания автоматизма мира), равнодушие.

Нигилизм как неразличимость права и бесправия можно интерпретировать как характеристику мифического насилия (в концепции В. Беньямина) [Benjamin 1977]. Э. Юнгер добавил к его сущностным характеристикам такую важную черту, как невозможность выбора, причем не между правом и бесправием, а между различными видами несправедливости.

В пространстве нигилизма есть *лакуны*: смерть, эрос и дружба, что с одной стороны, доказывает, что нигилизм не тотален и имеет границы своего проявления, а с другой, что у человечества есть шанс не просто выжить, а сохранить свою сущность. Смерть, эрос и дружба, согласно мысли Э. Юнгера, дают силы для сопротивления нигилистическим тираническим структурам все омертвляющего порядка, противостояния растворению человеческого во всеобщем и публичном [Юнгер 2006, 58].

Эпоха нигилизма обладает определенной симптоматикой:

1) признак редукции как не просто редуцированный мир, а мир, который продолжает свое движение к нулевой точке (стремление все понять, просчитать и контролировать с необходимостью приводит к пониманию мира как некоего простого механизма, где простота тождественна разумности);

2) исчезновение чудесного, являющегося следствием технологического скачка и «головокружения от успеха», которые,

в свою очередь, приводят к «головокружению от бездны», к страху, к желанию сбежать из этого мира (отсюда страсть к скорости);

3) тотальная специализация: разделение и детализирование, приводящие к возникновению эрзац-реальности (эрзац-религии, эрзац-искусства, эрзац-науки и т.п.);

4) сведение множества к цифре или символа к пустому знаку.

В целом, происходит утрата бытия, которая «не только утра- та, но одновременно ускорение, упрощение, интенсификация и стремление к неизвестным целям...» [Юнгер 2006, 37].

Вместе с тем в этом ряду симптомов есть и хороший признак – «участие в крупномасштабном нигилистическом процессе» теряет свою привлекательность, что дает нам полное право рассматривать конец XX века и начало XXI века как время приближения к переходу через линию. Э. Юнгер не зря с надеждой уповал на сам переход, т.к. «в мгновение, когда происходит пересечение линии, возникает новый поворот бытия и тем самым начинает мерцать то, что действительно есть» [Юнгер 2006, 47]. Нельзя не поверить тому, кто не единожды пересекал линию, в случае с Э. Юнгером – линию фронта.

Если для Э. Юнгера линия представляла собой квинтэссенцию нигилизма, то для М. Хайдеггера – линия есть граница, предел нигилизма, место, которое собирает и скрывает собранное в его сущности. «Нулевая линия в качестве меридиана имеет свою зону. Область законченного нигилизма образует границу между двумя возрастами мира. Линия, обозначающая эту область, – критическая линия. На ней решается, замрет ли движение нигилизма в ничтожном ничто или же оно будет переходом в сферу некоего “нового поворота бытия”» [Хайдеггер 1993, 67–68]. В тексте «О линии» М. Хайдеггер определил нигилизм как нечто «самое жуткое», «поскольку как безусловная воля к воле волит безродность как таковую» [Хайдеггер 2006б, 69]. Российский исследователь В.В. Савчук справедливо отмечает, что несмотря на то, что нигилизм отошел в историю, сегодня он проявляется в новых формах, а значит можно утверждать, что диагноз М. Хайдеггера во многом оправдывается: «Позиции нигилизма благодаря пересечению линии, как кажется, в значительной степени уже сданы, но язык нигилизма остался» [Савчук 2006, 178].

Если Э. Юнгер не сомневался в возможности перейти через линию и считал это практически реализованным после Второй мировой войны, то М. Хайдеггер полагал, что шанс через нее перейти равен нулю, т.к. две мировые войны не смогли остановить или отклонить движение нигилизма. Он считал необходимым оказаться в пространстве линии, что позволило бы помыслить сущность нигилизма, а значит привести его к концу. Учитывая,

что сущность нигилизма «покоится» в забвении бытия, его конец будет означать «просвет» бытия в его явленности.

М. Хайдеггер, анализируя юнгеровский концепт «гештальт Рабочего», отмечал, что, с одной стороны, господство Рабочего и есть репрезентация наличия/присутствия, с другой, что это господство новой, специфической воли к власти. Помимо того, что эта воля презентует себя повсюду, она идентична с бытием. Такое понимание рабочего и работы позволило М. Хайдеггеру увидеть в человеке зону линии как пространство бытия [Veželis 2019]. «Человек не только стоит в критической зоне линии. Он сам есть, но не для себя и уж тем более не только благодаря себе, эта зона и тем самым линия. Линия, понимаемая как знак зоны законченного нигилизма, ни в коем случае не есть то, что расположено перед человеком как нечто переступаемое» [Хайдеггер 2006б, 101]. Отсюда первый шаг для того, чтобы привести нигилизм к его концу, – это проникнуть в его сущность из пространства линии. Такое проникновение имеет вид Возвращения. Так М. Хайдеггер, обосновывая значимость пространственного решения проблемы нигилистического забвения бытия, возвращается к проекту ее решения в перспективе временности и историчности.

Заключение

Таким образом, идею разрыва правомерно определить как основополагающую для нигилистического мышления современного человека, ориентированного на насильственное преобразование мира с позиции своей «абсолютной» правоты. Парадокс современной ситуации заключается в том, что оборотной стороной этой преобразующей деятельности является лишь видимость действия и нивелирование ответственности. В мире «полого» человека действует «Никто», который даже в актах насилия убежден в своей правоте. Историко-философская реконструкция концепций нигилизма позволила выявить следующие проекты его осмысления и разрешения: 1) проект «полагания ценностей» (Ф. Ницше, М. Хайдеггер), в котором насилие было определено как проявление пассивного нигилизма, «духа мести», а его преодоление было связано с трансформацией «точки глаза» как перспективы полагания ценностей, приводящей к утверждению бытия; 2) проект преодоления нигилизма из пространства временности (С. Кьеркегор, М. Хайдеггер), реализующийся через решимость принять историчность своего существования, которое, в свою очередь, противопоставляется насилию, порожденному нигилистическим мышлением; 3) проект преодоления нигилизма из пространственной перспективы «линии» (Э. Юнгер,

М. Хайдеггер), раскрывающий насильственную сущность нигилизма как забвение бытия и, соответственно, утверждающий его преодоление как просвет бытия, осуществляющийся как в момент пересечения линии, так и в мгновении пребывания на линии. В силу ограниченности пространственной перспективы, она с необходимостью должна быть дополнена временной, что и обнаруживаем в философии М. Хайдеггера.

Несмотря на существенные различия этих проектов, была раскрыта общая для них идея о значимой роли философии в разрешении проблемы насилия, порожденного нигилистическим мышлением. Философия была определена как действенное ответственное мышление, способное противостоять нетерпимости и фундаменталистским притязаниям на избранность и правоту.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Камю 1998 – Камю А. Миф о Сизифе. Бунтарь. – Минск: Попурри, 1998.

Кьеркегор 1998 – Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат., коммент. Н. Исаевой, С. Исаева. – М.: Terra-Книжный клуб; Республика, 1998.

Мамардашвили 2012 – Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2012.

Михайлов 2000 – Михайлов А.В. Обратный перевод. Русская и западно-европейская культура: проблемы взаимосвязей. – М.: Языки русской культуры, 2000.

Ницше 1997 – Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1997. С. 5–240.

Савчук 2006 – Савчук В.В. Время нигилизма // Судьба нигилизма / гл. ред. Т.Н. Пескова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 163–220.

Сидоренко 2007 – Сидоренко И.Н. Идея историчности в философии немецкого экзистенциализма. – Минск: РИВШ, 2007.

Сидоренко 2018 – Сидоренко И.Н. Сущность онтологического нигилизма и проблема его преодоления // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2018. № 3. С. 36–42.

Хайдеггер 1993 – Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. – М.: Гнозис, 1993.

Хайдеггер 1998 – Хайдеггер М. Введение в метафизику. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.

Хайдеггер 2006а – Хайдеггер М. Ницше и пустота. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2006.

Хайдеггер 2006б – Хайдеггер М. О линии // Судьба нигилизма / гл. ред. Т.Н. Пескова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 65–121.

Юнгер 2006 – Юнгер Э. Через линию // Судьба нигилизма / гл. ред. Т.Н. Пескова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 12–64.

Benjamin 1977 – Benjamin W. Zur Kritik der Gewalt // Benjamin W. Gesammelte Schriften. Bd. 2.1: Aufsätze, Essays, Vorträge. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1977. P. 179–204.

Bousquet 2015 – *Bousquet A.* Ernst Jünger and the Problem of Nihilism in the Age of Total War // *Thesis Eleven*. 2015. Vol. 132. No. 1. P. 17–38.

Veželis 2019 – *Veželis T.* The Perspective of Overcoming Nihilism in Heidegger's Dialogue with Jünger // *Filosofija. Sociologija*. 2019. Vol. 30. No. 1. P. 45–54.

REFERENCES

Benjamin W. (1977) *Zur Kritik der Gewalt*. In: Benjamin W. *Gesammelte Schriften. Frankfurt am Main*. pp. (179–204). Bd. 2.1: Aufsätze, Essays, Vorträge (in German).

Bousquet A. (2015) Ernst Jünger and the Problem of Nihilism in the Age of Total War. *Thesis Eleven*. Vol. 132, no. 1, pp. 17–38.

Camus A. (1998) *The Myth of Sisyphus. The Rebel*. Minsk: Popurri (Russian translation).

Heidegger M. (1993) *Works and Thoughts of Different Years*. Moscow: Gnozis (Russian translation).

Heidegger M. (1998) *Introduction to Metaphysics*. Saint Petersburg: Higher Religious and Philosophical School (Russian translation).

Heidegger M. (2006a) *Nietzsche and the Void*. Moscow: Algoritm; Eksmo (Russian translation).

Heidegger M. (2006b) On the Line. In: Peskova T.N. (Ed.) *The Destiny of Nihilism* (pp. 65–121). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Press (Russian translation).

Jünger E. (2006) Across the Line. In: Peskova T.N. (Ed.) *The Destiny of Nihilism* (pp. 12–64). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Press (Russian translation).

Kierkegaard S. (1998) *Fear and Trembling*. Moscow: Terra-knizniy klub; Respublika (Russian translation).

Mamardashvili M.K. (2012) *Essays on Contemporary European Philosophy*. Saint Petersburg: Azbuka-Attikus (in Russian).

Mikhaylov A.V. (2000) *Reverse translation. Russian and Western European Cultures: Interconnection Problems*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury (in Russian).

Nietzsche F. (1997) Thus Spoke Zarathustra. In: Nietzsche F. *Works in 2 Vols.* (Vol. 2, pp. 5–240). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Savchuk V.V. (2006) The Time of Nihilism. In: Peskova T.N. (Ed.) *The Destiny of Nihilism* (pp. 163–220). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Press (in Russian).

Sidorenko I.N. (2007) *The Idea of Historicity in the Philosophy of German Existentialism*. Minsk: National Institute for Higher Education (in Russian).

Sidorenko I.N. (2018) The Essence of Otological Nihilism and the Problem of Overcoming It. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. No. 3, pp. 36–42 (in Russian).

Veželis T. (2019) The Perspective of Overcoming Nihilism in Heidegger's Dialogue with Jünger. *Filosofija. Sociologija*. Vol. 30, no. 1, pp. 45–54.